

**МОРФОЛОГИЯ ФОРМ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО
СКЛОНЕНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В МОКШАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ ПОВОЛЖЬЯ
(лингвогеографический аспект исследования)**

© 2015 г. Мария Захаровна Левина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, 430010, Россия
lev.mariya@mail.ru

Исследование диалектных особенностей методами лингвистической географии, описание говоров и диалектов мордовских (мокшанского и эрзянского) языков является одной из актуальных задач мордовского и финно-угорского языкознания. Важность обозначенной проблемы определяется малой изученностью материала исследования, а также необходимостью представления своеобразия мокшанского языка в связи с исчезновением ряда говоров. В статье рассматривается парадигма неопределенного склонения имени существительного и обсуждается употребление вариантных морфем и изоглоссы их распространения в мокшанских диалектах Поволжья.

Ключевые слова: диалекты и говоры мокшанского языка, территориальное распространение, морфологические особенности, грамматические признаки

**MORPHOLOGY OF NOMINAL INDEFINITE DECLENSION
IN MOKSHA MORDVIN DIALECTS OF THE VOLGA REGION
(a linguo-geographic aspect)**

Maria Z. Levina

Ogarev Mordovia State University, Saransk, 430010, Russia
lev.mariya@mail.ru

The study of dialectal features by the methods of linguistic geography, description of sub-dialects and dialects of Mordvin (Moksha and Erzya) languages is one of the relevant objectives of Mordvin and Finno-Ugric linguistics. The importance of the designated problem is defined by the fact that many of the dialects are under-described, as well as by the necessity to present the originality of the Moksha language, some sub-dialects of which are to date extinct or endangered. This article considers not only the paradigm of indefinite declension of noun, but also discusses the use of variant morphemes and isoglosses of their distribution in Moksha dialects of Volga region.

Keywords: dialects and subdialects of Moksha language, geographical distribution, morphological traits, grammar characteristics

Современная лингвистика уделяет большое внимание выявлению общих закономерностей и основных тенденций формирования и развития национальных языков, а это невозможно без глубокого и всестороннего изучения их диалектов и говоров.

Совокупность говоров, согласно концепции Р. И. Аванесова, может быть рассмотрена как некая макросистема территориальных вариантов языка, внутри которой исследуются как отдельные варианты (частные диалектные системы, реально представленные в речи жителей той или иной местности), так и их совокупности (группы говоров, наречия), представляющие собой результат обобщения языковых черт, фиксируемых в речи жителей более обширных территорий [Аванесов 1965].

Диалекты мордовских языков распространены на больших пространствах Волго-Окского междуречья и Заволжья вплоть до южного Урала. Граница между мокшанскими и эрзянскими диалектными зонами не является сколько-нибудь определенной линией, они размываются пограничными переходными и смешанными говорами, на территории которых в разной степени распространяются окраинные отрезки ареалов языковых явлений, порознь свойственных тому или иному диалекту [Феоктистов 1990: LX].

«Диалектное членение мордовских языков, — отмечает Д. В. Цыганкин, — имеет много-ступенчатый характер. Это означает, что существует определенная иерархия диалектов, суть которой заключается в том, что внутри основных диалектных типов выделяются более мелкие поддиалекты, противопоставленные внутри основного, более крупного диалекта по другим чертам. Эти более мелкие поддиалекты образуют иную степень членения по сравнению с основными диалектами» [Цыганкин 2000: 19].

Традиционной и общепринятой является классификация мокшанских диалектов, предложенная А. П. Феоктистовым, в которой учитываются фонетический, морфологический, лексический и территориальный аспекты. Ученый выделяет пять диалектных типов, которые имеют отличительные языковые особенности и относительную территориальную очерченность: центральный, западный, юго-восточный, переходный, находящиеся на территории Республики Мордовии (см. рис. 1, с. 106), и смешанный, расположенный за пределами Мордовии (в Нижегородской, Пензенской, Саратовской и некоторых других областях), [Феоктистов 1990: LXXI—LXXXVI; Feoktistov, Saarina 2005: 47].

Ареальные исследования на материале финно-угорских языков были предприняты в работах Д. В. Бубриха [Бубрих 1936; Бубрих и др. 1997], Б. А. Серебренникова [Серебренников 1973], Р. М. Баталовой [Баталова 1982], Г. И. Ермушкина [Ермушкин 1984], Е. И. Коведяевой [Коведяева 1987], А. П. Феоктистова [Феоктистов 2002], Д. В. Цыганкина и М. Т. Бибина [Цыганкин, Бибин 2002] и др. Попытки применения методов лингвистической географии сделаны и в данной работе при исследовании морфем неопределенного склонения имени существительного: установлены по возможности зоны наибольшей вариантности и уточнены границы ареалов диалектных явлений.

В мокшанских диалектах и мокшанском литературном языке существительное характеризуется категориями числа, падежа, определенности/неопределенности и притяжательности. В мокшанском диалектном ареале, как и в мокшанском литературном языке, 13 падежей (см. табл. 1).

Таблица 1

Алломорфы в мокшанском литературном языке и диалектах

Падеж	Мокш. лит.	Мокш. диал.
Номинатив	∅	∅
Генитив	-ń	-ń/-n
Датив	-ńd'i	-ńd'i/-ndi
Аблатив	-dal-ta	-dal-dəl-d'e, -tal-təl-t'e
Инессив	-sa/-ca	-sa/-sə/-ca/-cə
Элатив	-sta/-cta	-sta/-stə/-cta/-ctə
Иллатив	-s/-c	-s/-c
Латив	-v/-u/-i	-v/-u/-i
Пролатив	-va/-ga/-gä/-ka	-va/-ga/-gä/-gel/-ka/-käl/-ke /-vga/-gava/ -kava/-java
Транслатив	-ks	-ks
Компаратив	-ška	-ška
Абессив	-ftəma	-ftəma/-ftəmə/-ftəmə/-ftəmə/-ft'imä/-ftəm/-ftəm
Каузатив	-nksa	-nksa/-nksə

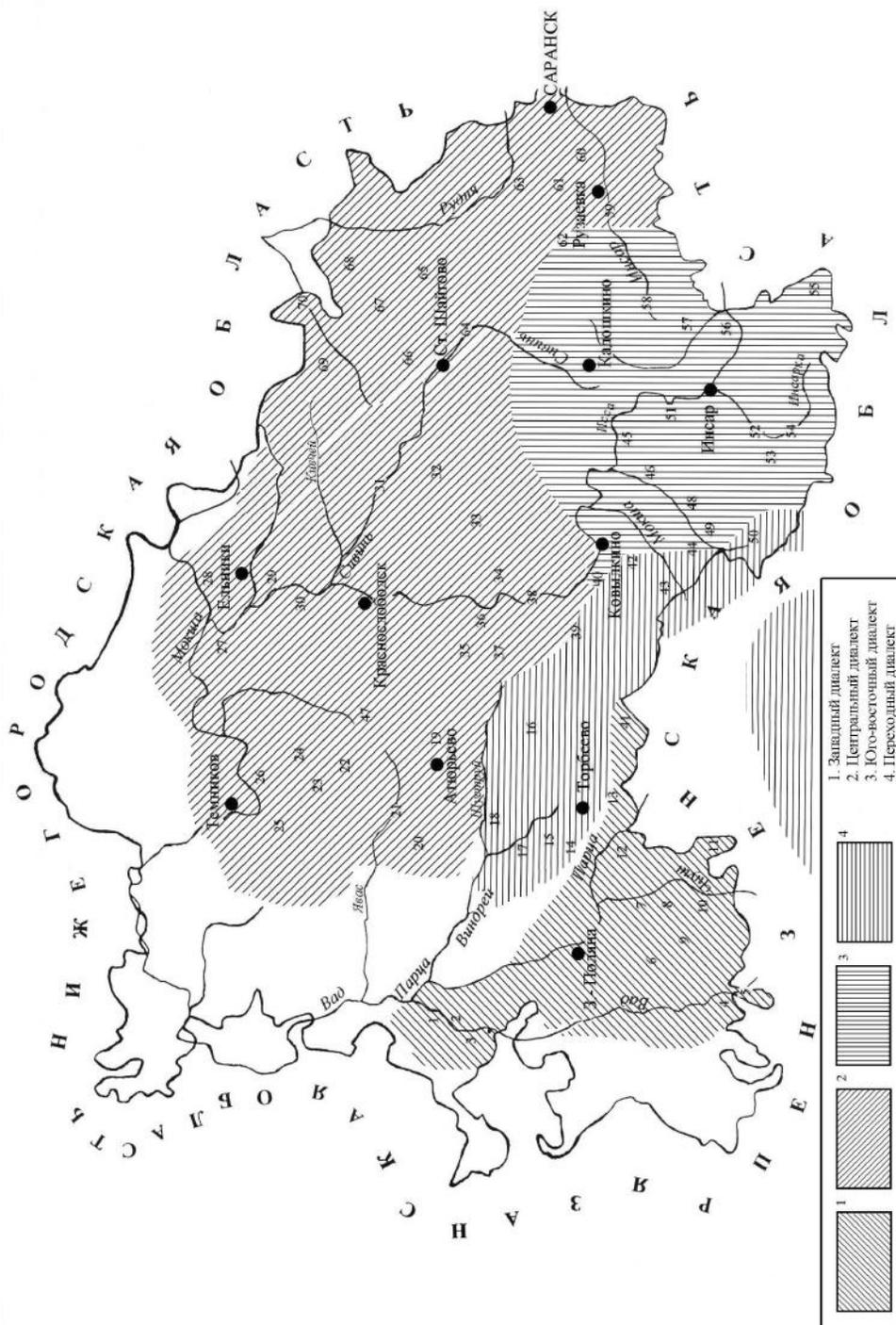

Рис. 1. Диалектологическая карта мокша-мордовского языка на территории Республики Мордовии [Левина 2014: 22]

В системе неопределенного склонения падежные показатели агглютинируют к именным основам.

Номинатив является исходной формой склонения и не имеет показателя: центр. *pakšä / pakše*, юго-вост. *pakše*, зап. *pakšä / pakše*, мокш. лит. *pakšä* 'поле'; центр. *viř / vər*, юго-вост. *viře*, зап. *viř*, мокш. лит. *viř* 'лес'.

Аффикс генитива неопределенного склонения в мокшанском диалектном ареале представлен двумя алломорфами: *-ń*, *-n* (мокш. лит. *-ń*), см. табл. 2. Формант *-ń* обнаруживается в преобладающем большинстве мокшанских говоров и присоединяется как после гласных переднего и заднего ряда, так и после палатализованных и непалатализованных согласных. Употребление твердого генитивного *-n* ограничено и в отношении круга охватываемых слов, и территориально. Отмеченная морфема зафиксирована в говорах западного и переходного диалектов в формах с основой на непалатализованный согласный (см. рис. 2, с. 109).

Таблица 2

Алломорфы генитива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный: <i>veĭä</i> 'село'	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>
гласный <i>i</i> , <i>i̇</i> (в неодносложных существительных): <i>maći</i> 'гусь', <i>šari̇</i> 'колесо'	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń</i>	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń</i>
гласный <i>u</i> (в неодносложных существительных): <i>kelu</i> 'береза'	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń</i>	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń</i>
палатализованный согласный: <i>viř</i> 'лес'	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>

Примеры: центр. *viř-ə-ń*, *mař-ə-ń*, *veĭä-ń* / *viĭä-ń*, *kud-ə-ń*, *kal-ə-ń*; юго-вост. *viř-ə-ń*, *mař-ə-ń*, *veĭä-ń*, *kud-ə-ń*, *kal-ə-ń*; зап. *viř-ń*, *mař-ń*, *veĭ-ń*, но *kud-n*, *kal-n*; перех. *viř-ń*, *mař-ń*, *veĭ-ń*, но *kud-n*, *kal-n*; мокш. лит. *viř-ə-ń* 'леса', *mař-ə-ń* 'яблока', *veĭä-ń* 'села', *kud-ə-ń* 'дома', *kal-ə-ń* 'рыбы'.

Следует указать, что алломорф *-n* отмечен и в некоторых говорах эрзянского языка. Например, в говоре с. Чукалы Большеигнатовского района: *loĭu-n lomań*, *sarazu-n gormo*, *sadu-n dikše*, эрз. лит. *lovo-ń lomań* 'снежный человек', *sarazo-ń groom* 'куриный корм', *sado-ń dikše* 'садовое сено' [Давыдов 1963: 158].

Б. А. Серебренников считает, что твердый *-n* в качестве суффикса генитива отражает древнее состояние генитива, так как некогда формант этого падежа был только твердым [Серебренников 1967: 16].

В западном диалекте, по предположению С. З. Деваева, алломорфы *-ń/-n* после гласной основы удлинняются, если слово в форме генитива находится в постпозиции: *ščamś ava-ń* 'рубашка та женская', *kuc šuftä-ń* 'дом тот деревянный', *kajmäs kšni-ń* 'лопата та железная', *piŋget'ňä kelu-ń* 'дрова те березовые', но ср.: *t'evś / i'ivś kud-n* 'дело то домашнее' [Деваев 1963: 332].

Как показывают примеры, в неодносложных существительных с основой на *i*, *i̇* и *u* морфема генитива агглютинирует непосредственно к основе или к сочетаниям *-jə-*, *-və-*: *maći* 'гусь' — *maći-ja-ń* / *maći-ń*; *iňäzi* 'малина' — *iňäzi-ja-ń* / *iňäzi-ń*; *kelu* 'береза' — *kelu-va-ń* / *kelu-ń*; *kuću* 'ложка' — *kuću-va-ń* / *kuću-ń*.

В качестве дативного суффикса в диалектах мокшанского языка используются варианты *-ńd'i*, *-ndĭ* (мокш. лит. *-ńd'i*), см. табл. 3. Первый из них функционирует в мокшанских говорах, присоединяясь как к основам на гласный, так и к основам на палатализованный и непалатализованный согласный, а второй формант, *-ndĭ*, употребляется лишь в говорах западного и переходного диалектов и следует непосредственно за непалатализованным согласным (см. рис. 2, с. 109); в словоформах с палатализованными согласными и гласными переднего ряда в этих же говорах употребляется вариант *-ńd'i*, например: зап. *kud-ńdĭ*, *kal-ńdĭ*, *val-ńdĭ*, но *viř-ńd'i*, *velǎ-ńd'i* / *vilǎ-ńd'i*; центр. *kud-ǎńd'i*, *kal-ǎńd'i*, *val-ǎńd'i*, *viř-ǎńd'i*, *velǎ-ńd'i*; мокш. лит. *kud-ǎńd'i* 'дому', *kal-ǎńd'i* 'рыбе', *val-ǎńd'i* 'слову', *viř-ǎńd'i* 'лесу', *velǎ-ńd'i* 'селу'.

Таблица 3

Алломорфы датива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный: <i>velǎ</i> 'село'	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>
гласный <i>i</i> , <i>ĭ</i> (в неодносложных существительных): <i>maći</i> 'гусь', <i>šarĭ</i> 'колесо'	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i>
гласный <i>u</i> (в неодносложных существительных): <i>kelu</i> 'береза'	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i>
палатализованный согласный: <i>viř</i> 'лес'	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ndĭ</i>	<i>-ndĭ</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>

Употребление твердых формантов генитива *-n* и датива *-ndĭ* после непалатализованных согласных основ можно проследить и за пределами Мордовии, на юге расселения мокши, — в некоторых говорах Белинского и Бессоновского районов Пензенской области (Карсаевка, Пичёвка, Козловка, Старая Каштановка, Новая Каштановка, Сярда, Пяркино, Доншино, Линёвка, Озёрки, Кижеватово и др.).

Следует учесть фонетическую особенность, заключающуюся в том, что слогаобразующий редуцированный гласный, появляющийся в говорах центрального, юго-восточного диалектов, а также в мокшанском литературном языке перед суффиксами генитива, датива и каузатива, в западном и переходном диалектах отсутствует. Данное явление зафиксировано и в средневадских говорах мокшанского языка [Деваев 1963: 321].

Как и в генитиве, неодносложные слова с основой на *i*, *ĭ* и *u* имеют двоякое оформление: *maći* 'гусь' — *maći-jǎ-ńd'i* / *maći-ńd'i*, *karu* 'муха' — *karu-vǎ-ńd'i* / *karu-ńd'i* и т. д.

Морфема датива по происхождению, вне всякого сомнения, является сложной и относится к вторичным образованиям падежного характера. Она возникла на основе сращения генитивного форманта *-n* с послелегом *teŋ* 'к' [Бубрих 1953: 65].

Аблатив в мокшанском языке имеет показатели *d* + гласный или *t* + гласный, выступающие в виде нескольких фонетических вариантов, обусловленных характером основы имени существительного и ареалом распространения, см. табл. 4. Во многих говорах и диалектах, как и в мокшанском литературном языке, после гласных и звонких согласных, кроме *b*, *g*, *d*, *d'*, употребляется *-dal-dǎ*, а после глухих согласных и *b*, *g*, *d*, *d'* — *-tal-tǎ*: центр. *pakša-da* / *pakša-dǎ*, зап. *pakša-da*, перех. *pakša-da*, юго-вост. *pakša-da*, мокш. лит. *pakša-da* '(от) поля', '(от) полей'; центр. *viř-da* / *viř-dǎ*, зап. *viř-da*, перех. *viř-da*, юго-вост. *viř-d'e*, мокш. лит. *viř-da* '(от) леса', '(от) лесов'.

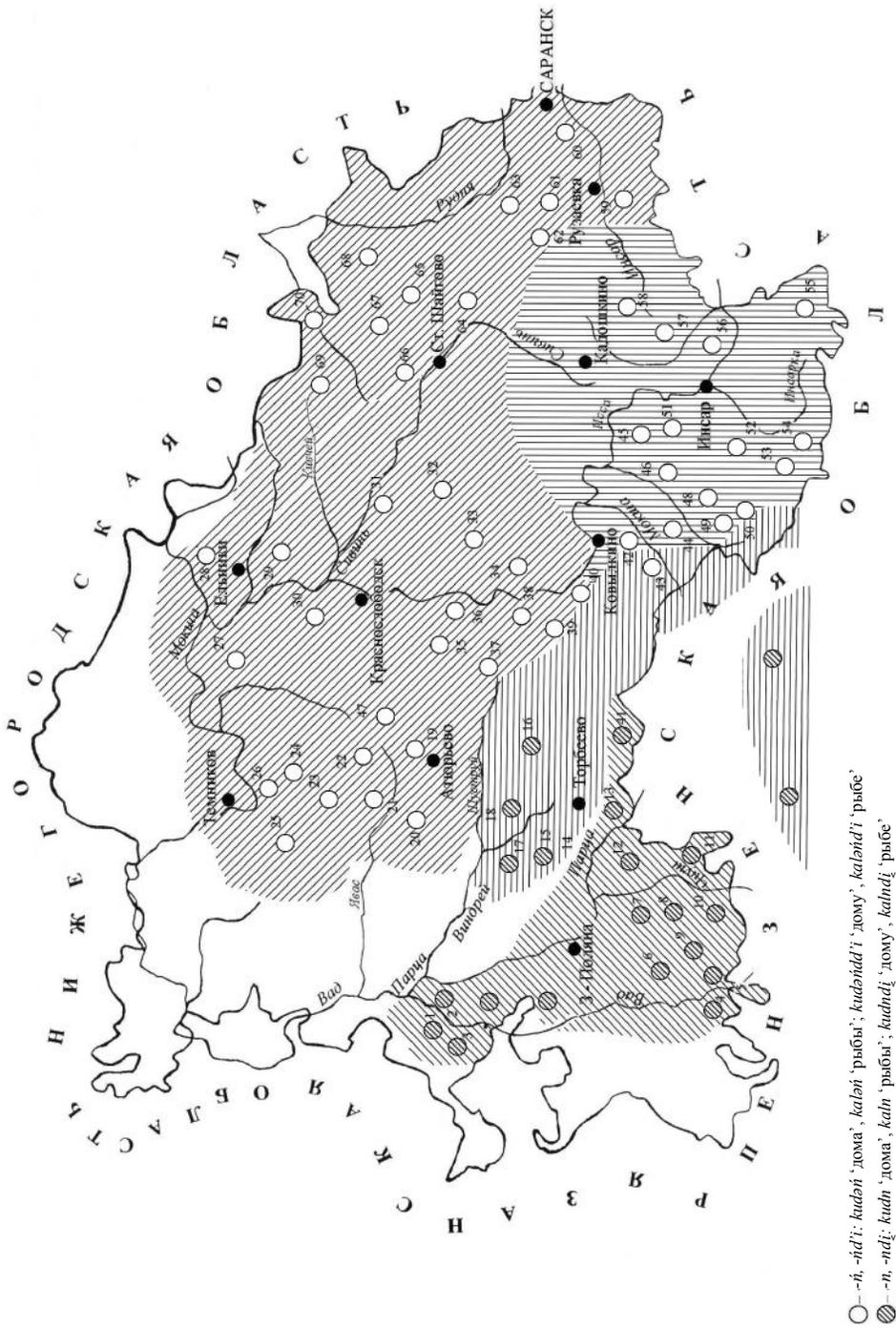

Рис. 2. Морфемы гентива -n, -nĭ и датива -nĭ, -nĭ в формах с основой на непалатализованный согласный

Для говоров юго-восточного диалекта, как для эрзянского языка, характерно следующее распределение алломорфов: *-da*, *-ta* для основы с конечным заднерядным гласным или непалатализованным согласным, *-d'e*, *-t'e* (с переднерядной огласовкой) для основы с исходом на переднерядный гласный или палатализованный согласный: юго-вост. *valma-da*, *kut-ta*, *leš-ta*, но *viř-d'e*, *viř-t'e*, *miř-t'e*, *kažne-d'e*, *vilä-d'e*, *mař-d'e*; мокш. лит. *valma-da* '(от) окна', *kut-ta* '(от) дома', *leš-ta* '(от) инея', *viř-da* '(от) леса', *vet-ta* '(от) воды', *met-ta* '(от) меда', *kažne-da* '(от) подарка', *velä-da* '(от) села', *mař-da* '(от) яблока'; ср. эрз. *kal-do* '(от) рыбы', но *viř-d'e* '(от) леса', *met-t'e* '(от) меда', *šet-t'e* '(от) моста'. Также следует указать, что в исследуемом диалекте для основ на *-ä* значение имеет мягкость последнего согласного, например: *vilä* 'село' — *vilä-d'e*, *pilä* 'ухо' — *vilä-d'e*, *piňä* 'собака' — *piňä-d'e*.

Таблица 4

Алломорфы аблатива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный непереднего ряда: <i>valma</i> 'окно'; непалатализованный звонкий согласный, кроме <i>b</i> , <i>g</i> , <i>d</i> : <i>sur</i> 'палец'	<i>-da/-dä</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>
гласный переднего ряда или среднего ряда <i>ä</i> с предшествующим палатализованным согласным: <i>kažne</i> 'подарок', <i>velä</i> 'село'; палатализованный звонкий согласный, кроме <i>d</i> : <i>viř</i> 'лес'	<i>-da/-dä</i>	<i>-d'e</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>
непалатализованный глухой согласный: <i>leš</i> 'инея'; непалатализованные звонкие согласные <i>b</i> , <i>g</i> , <i>d</i> : <i>kud</i> 'дом'	<i>-ta/-tä</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>
палатализованный звонкий согласный <i>d</i> : <i>ved</i> 'вода'	<i>-ta/-tä</i>	<i>-t'e</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>

В темниковско-атюрьевской и атюрьевской подгруппе говоров центрального диалекта прослеживается употребление алломорфов *-dä*, *-tä*, в которых исходный гласный неполного образования: темн.-атр. г. *pakša-dä*, *viř-dä*, *vet-tä*, *kut-tä*, *kažne-dä*, *met-tä*, *leš-tä*; атр. г. *pakša-dä*, *viř-dä*, *viř-tä*, *kut-tä*, *kažne-dä*, *miř-tä*, *liš-tä*; мокш. лит. *pakša-da*, *viř-da*, *vet-ta*, *kut-ta*, *kažne-da*, *met-ta*, *leš-ta*.

Согласно широко распространенному и общепринятому в финно-угроведении мнению, аблативный формант существовал уже в прафинно-угорском языке-основе и характеризовался суффиксами **-ta*, **-tä* [Серебренников 1967: 19; Феокистов 1975: 290; Цыганкин 1977: 6].

В большинстве диалектов морфемы инессива, элатива, иллатива представлены следующими алломорфами: ин. *-s* + гласный, *-c* + гласный; эл. *-st* + гласный, *-ct* + гласный; илл. *-s*, *-c*. Эти алломорфы реализуются в нескольких вариантах, обусловленных также характером основы: *-sal-säl-ca* / *l-cä*; *-stal-stäl-cta* / *l-ctä*; *-s/-c* (мокш. лит. *-sal-ca*; *-stal-cta*; *-s/-c*), см. табл. 5, например, ин.: кр.-синдр. г. *řev-sa*, атр. г. *řiv-sa* / *řiv-sä*, темн.-атр. г. *řev-sä*, юго-вост. *řiv-sa* 'в деле', 'в делах'; эл.: кр.-синдр. г. *velä-sta*, атр. г. *vilä-sta* / *vilä-stä*, темн.-атр. г. *velä-stä*, юго-вост. *vilä-sta* 'из села'; илл.: кр.-синдр. г. *šovän-c*, атр. г. *šovän-c*, темн.-атр. г. *šovän-c*, юго-вост. *šovän-c* 'в глину'.

В говорах и диалектах на территории Мордовии употребление форманта *c* вместо *s* возможно лишь в словоформах с основой на *-n*, *-ń*, так как между *n* и *s* возникает смычный элемент — центр., зап., юго-вост., перех.: ин. *san-ca* ‘в жиле’, ‘в жилах’, *šovəń-ca* ‘в глине’, *lomań-ca* ‘в человеке’, ‘в людях’; эл. *san-cta* ‘из жилы’, ‘из жил’, *šovəń-cta* ‘из глины’, *lomań-cta* ‘от человека’, ‘от людей’; лат. *san-c* ‘в жилу’, *šovəń-c* ‘в глину’.

Следует обратить внимание на смешанные говоры, которые расположены за пределами Мордовии, где падежные суффиксы *-ca/-cə*, *-cta/-ctə*, *-c* агглютинируют также к основам на сонорные согласные *r*, *ř*, *l*, *ĺ*: кирт. г. *viř-cə*, *kař-cə*, *medaĺ-cə*, *val-ctə*, *umař-c*; урум. г. *viř-cə*, *kař-cə*, *medaĺ-cə*, *val-ctə*, *umař-c*; мокш. лит. *viř-sa* ‘в лесу’, *kař-sa* ‘в лаптях’, *medaĺ-sa* ‘в медальях’, *val-sta* ‘из слова’, ‘из слов’, *mař-s* ‘за яблоками’.

Таблица 5

Алломорфы инессива, элатива, иллатива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный: <i>velə</i> ‘село’; согласный, кроме <i>n</i> , <i>ń</i> : <i>kud</i> ‘дом’, <i>leş</i> ‘иной’, <i>kād</i> ‘рука’	<i>-sa/-sə</i> , <i>-sta/-stə</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>
согласные <i>n</i> , <i>ń</i> : <i>san</i> ‘жила’, <i>šovəń</i> ‘глина’	<i>-ca/-cə</i> , <i>-cta/-ctə</i> , <i>-c</i>	<i>-ca</i> <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-ca</i> , <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-ca</i> , <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-ca</i> , <i>-cta</i> , <i>-c</i>
согласные <i>r</i> , <i>ř</i> , <i>l</i> , <i>ĺ</i> : <i>viř</i> ‘лес’, <i>medaĺ</i> ‘медаль’	<i>-sa/-sə</i> <i>-sta/-stə</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-ca</i> <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>

Форманты инессива *-sa*, *-ca* возникли из более древних форм **-sna*, **-sno*, **-sně*, которые составлены из двух суффиксов — лативного суффикса **-s* и вариантов суффикса локатива **-na*, **-no*, **-ne* [Серебренников 1967: 21].

Наглядным доказательством того, что формы инессива некогда включали *n*, является употребление суффикса *-sne* наряду с суффиксом *-so*, *-se* в большеигнатовском диалекте эрзя-мордовского языка после основ, оканчивающихся на шипящие: *jarsak peńc-sne*, *vilkanok vasolot* ‘Ешь ложкой, вилки наши далеко’; *tovžurošt nuit tarva-sne* ‘Пшеницу жнут серпами’ [Давыдов 1963: 157].

В говорах и диалектах мокшанского языка исчезновение *n* связано с ассимиляцией его предшествующим *s* (*sn* > *ss* > *s*). «Возможность такого пути подтверждается данными прибалтийско-финских языков, ср. фин. *talossa* ‘в доме’ < **talo-s-na*» [Феоктистов 1975: 291].

Показатели элатива *-sta*, *-cta* образованы из двух падежных суффиксов: суффикса латива **-s* и суффикса аблатива **-ta*, **-tä*, а формант иллатива *-s* представляет суффикс *s*-латива [Серебренников 1967: 22].

Морфема латива во всех диалектах мокшанского языка, как и в литературном языке, представлена следующими алломорфами: *-v*, *-u*, *-i*. На большей части территории распространения мокшанского языка существительные на гласную основу оформляются вариантом *-v*: повсем. *pakša-v* ‘в поле’, *potma-v* ‘в с. Потьму’. Алломорфы *-u*, *-i* в говорах центрального, западного, юго-восточного и переходного диалектов присоединяются к основе на согласный или редуцированный гласный, выпадающий перед суффиксом, причем *-u* выступает после твердых согласных, *-i* — после мягких согласных, а также после *-gə*, если непосредственно предшествует мягкий согласный: центр., зап., перех. *kaldaz-u*, *mastər-u*, *kuž-u*, *viř-i*, *vel-i*/ *vil-i*, *kärg-i*/ *keřg-i*; юго-вост. *kaldaz-u*, *mastər-u*, *kuž-u*, *viř-i*, *vil-i*; мокш. лит. *kaldaz* — *kaldaz-u* ‘в хлев’, *mastər* — *mastər-u* ‘в страну’, *kužə* — *kuž-u* ‘в село Мордовская Поляна’, *viř* — *viř-i* ‘в лес’, *velə* — *vel-i* ‘в село’, *kärgə* — *kärg-i* ‘в село Старая Кярьга’, см. табл. 6.

Таблица 6

Алломорфы латива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный, кроме <i>ə</i> : <i>paksä</i> 'поле', <i>luga</i> 'луг', <i>pe</i> 'конец'	-v	-v	-v	-v	-v	-v
гласный <i>ə</i> : <i>velä</i> 'село'; непалатализованный согласный + <i>ə</i> с предшествующим палатализованным: <i>käd'gə</i> 'посуда'	-i	-i	-i	-i	-u/-uv	-i
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'	-u	-u	-u	-u	-ov/-uv	-u
палатализованный согласный: <i>vir</i> 'лес'; непарный с предшествующим палатализованным: <i>pirf</i> 'двор'	-i	-i	-i	-i	-u/-ij	-i

В отдельных говорах смешанного диалекта на месте *i* выступает формант *u*, а также функционируют более древние падежные варианты латива с конечным *-v*, или *j*, что не характерно для мокшанского литературного языка. В эрзянском языке *v* встречается обычно после гласных заднего ряда, а *j* — после гласных переднего ряда. В формах латива в данном языке *v* почти полностью обобщено за счет *j*. Обычно на месте *j* употребляется *v*: эрз. *vele-v* 'в село' вместо ожидаемого *vele-j* [Бубрих 1953: 19]; ср. кирт. г., урм. г. *vel-u* / *vel-uv*, *kud-ov* / *kud-uv*, *kal'-u*, *vir'-u*, но *vir'-ij*; эрз. *vel'e-v*, *vir'e-v*, *kudo-v*; мокш. лит. *vel'-i* 'в село', *vir'-i* 'в лес', *kud-u* 'в дом', *kal'-i* 'в поселок Каль', восходящие к древним формам: *vel'i* / *vel'u* < *velej* < *velej, *kudu* < *kudov* < *kudon и пр. В вышеуказанных говорах формы с *j* единичны.

Согласно предположениям Д. В. Бубриха, А. П. Феоктистова, Д. В. Цыганкина, падежные суффиксы (*-v*, *-u*, *-i*) восходят к общемордовскому лативному суффиксу *η*, отражающему рефлексы двух финно-угорских падежных суффиксов: лат. **-n* и лат. **-k*, который расщепился вследствие исчезновения фонемы *η* [Бубрих 1953: 58; Феоктистов 1975: 291; Цыганкин 1977: 80].

По материалам диалектов мокшанского языка этот процесс, согласно С. З. Деваеву, представляется в следующем виде. В тот период, когда фонема *η* перестала осознаваться как единая смысло-форморазличительная единица, она функционировала как *v* после гласных заднего ряда, как *j* — после гласных переднего ряда. После гласных *a*, *o*, *ä*, *э* (< *ä*) *η* перешел в *v* и в этом виде сохранился [Деваев 1963: 333].

Пролатив в диалектах мокшанского языка оформлен суффиксами *-gal/-gä/-ge*, *-kal/-käl/-ke*, *-va*, *-gava*, *-kava*, *-java* (мокш. лит. *-gal/-gä*, *-ka*, *-va*), выбор которых в одном и том же диалекте обусловлен характером основы (см. табл. 7) — *-va* после гласной основы, *-kal/-käl/-ke* после глухой согласной основы, *-gal/-gä/-ge* после звонкой согласной основы: центр. *velä-va* / *vilä-va*, *kud-ga*, *vir'-gä* / *vir'-ga*, *vär'-gä* / *ver'-ga*, *šaj'-gä* / *šej'-ga*, *ki-gä* / *ki-ga* / *ki-va*, *pirf-ka* / *pirf-ka-va*; юго-вост. *vilä-va*, *kud-ga*, *vir'-ge*, *ver'-ge*, *šej'-ge*, *ki-ge*, *pirf-ke*; зап. *velä-va* / *vilä-va*, *kud-ga*, *vir'-ga*, *vär'-ga* / *ver'-ga*, *šaj'-ga* / *šej'-ga*, *ki-ga* / *ki-ga-va*, *pirf-ka-va*; мокш. лит. *velä-va* 'по селу', *vir'-gä*

‘по лесу’, *kud-ga* ‘по дому’, *vär-gü* ‘поверху’, *šäj-gü* ‘по болоту’, *ki-gü* ‘по дороге’, *piřf-ka* ‘по двору’. Данные суффиксы представляют собой переосмысление древнеуральского латива на *-k [Феокистов 1975: 291].

Формант *-kä/-ke* функционирует лишь в единичных говорах центрального и юго-восточного диалектов мокшанского языка и связан с наличием в корне переднерядной гласной, ср.: рыбк.-ммл. г. *kenkš-kä*, юго-вост. *kinkš-ke*, мокш. лит. *kenkš-ka* ‘мимо / по двери’; рыбк.-ммл. г. *mäntf-kä*, юго-вост. *meñtf-ke*, мокш. лит. *mäntf-ka* ‘по изгибу’, но рыбк.-ммл. г. *pulf-ka*, юго-вост. *pulf-ka*, мокш. лит. *pulf-ka* ‘по снопу’. Данный суффикс употребляется редко и полностью совпадает в исследуемых говорах с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-kä/-ke*: *kenkš* ‘дверь’ – *kenkš-kä* / *kinkš-ke* ‘мимо / по двери’, ‘дверца’, *mäntf* ‘изгиб’ – *mäntf-kä* / *meñtf-ke* ‘по изгибу’, ‘изгибчик’. Следует попутно отметить, что с основами на *-k* диминутивное *-kä, -ke* не используется, функционирует другой суффикс *-ñä*: *porak* ‘порог’ – *porak-ə-ñe* ‘порожек’, *čolak* ‘плохой мальчик’ – *čolak-ə-ñe* ‘плохенький мальчик’, ‘плохиш’.

В некоторых ареалах центрального, западного и смешанного диалектов выявляются сложные суффиксы *-gava, -kava, -java*, образованные путем агглютинации двух пролативных суффиксов (*-gava < -ga + -va, -kava < -ka + -va*): темяш. г. *ki-ga-va, piřf-ka-va*, атр. г. *ki-ga, piřf-ka-va*, зап. *ki-ga-va, piřf-ka-va*, пенз. г. *ki-ja-va, piřf-ka-va*, мокш. лит. *ki-gü* ‘по дороге’, *piřf-ka* ‘по двору’. Сложные варианты *-gava, -vga (-v + -ga)* отмечены и в северо-западных говорах центрального диалекта мокшанского языка: ельн. г. *vilä-v-ga* ‘по селу’, *pakša-v-ga* ‘по полю’ [Плаксина 2002: 10—11].

Таблица 7

Алломорфы пролатива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный, кроме <i>i</i> в односложных словах: <i>velä</i> ‘село’, <i>iñäzi</i> ‘малина’	<i>-va/-vga</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>
гласный <i>i</i> в односложных словах: <i>ki</i> ‘дорога’	<i>-va/ -gü/ga</i>	<i>-ge</i>	<i>-gava</i>	<i>-gava</i>	<i>-java</i>	<i>-gü</i>
палатализованный звонкий согласный или <i>j</i> : <i>vir</i> ‘лес’, <i>šäj</i> ‘болото’	<i>-gü/-ga/ ə-va</i>	<i>-ge</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-gü</i>
непалатализованный звонкий согласный: <i>kud</i> ‘дом’	<i>-ga/-ə-va</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-gava/ -ə-va</i>	<i>-ga</i>
непалатализованный глухой согласный (при наличии в корне последней заднерядной гласной): <i>pulf</i> ‘сноп’	<i>-ka/-kava</i>	<i>-ka</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-ka</i>
непалатализованный глухой согласный (при наличии в корне последней переднерядной гласной): <i>kenkš</i> ‘дверь’	<i>-ka/-kä/ -kava</i>	<i>-ke</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-ka</i>

Морфема транслатива в диалектах мокшанского языка представлена алломорфом *-ks*, при его присоединении к основе перед ним может возникать вокалический элемент: центр. *lomañ-ks*, кирт. г. *lomañ-ə-ks* ‘как человек’; центр. *mař-ks*, кирт. г. *umař-ə-ks* ‘как яблоко’; атр. г. *ov-ə-ks*, темн.-атр. г. *ov-ə-ks*, кр.-синдр. г. *ov-ə-ks*, юго-вост. *ov-ks*, зап. *ov-ə-ks* ‘как зять’.

В лингвистической литературе нет единого мнения относительно происхождения морфемы транслатива *-ks*. По мнению И. Синнеи и К. Е. Майтинской, данный показатель возник в результате слияния двух лативных суффиксов: **-k* и **-s* [Szinnyei 1922: 77; Майтинская 1974: 255]. П. Аристэ допускает, что формант транслатива может восходить к словообразовательному именному суффиксу *-ks* [Аристэ 1955: 26—31]. Д. В. Бубрих рекомендовал обратить внимание на имена с суффиксом *-ks* со значением «то, чем нечто служит, для чего нечто служит, для чего нечто предназначено»: *surks* ‘кольцо’ предназначено ‘для пальца’ от *sur* ‘палец’ [Бубрих 1953: 62—63]. Б. А. Серебренников соглашается с мнением Д. В. Бубриха [Серебренников 1967: 27]. Д. Т. Надькин утверждает, что транслатив своим возникновением обязан иллативу на *-s*, о чем свидетельствуют следы былой омонимичности этих падежей, сохранившиеся в нижнепьянском диалекте [Надькин 1968: 44]. Д. В. Цыганкин отмечает, что основой образования транслативных форм явились имена существительные, содержащие *k*-овый показатель признака по лицу, предмету, месту. Связь со словами, обозначающими признак, транслатив не потерял до сих пор: *lomañks* (*koda?* ‘как?’) ‘по-людски’, ‘как человек’. Поэтому автор допускает, что формы транслатива типа *avaks* могли возникнуть из *avaka* (‘принадлежащая матери, имеющая какое-то отношение к матери, похожая на мать’) + иллатив на *-s*: *avaka* + *s* > *avakas* > *avaks* [Цыганкин 1977: 86—87].

Интересное явление встречается в смешанных говорах мокшанского языка, где вместо транслативного *-ks* употребляется суффикс *-əm/-om*, взятый из русского языка: центр. *učitäl-ks*, зап. *učitäl-ks*, кирг. г. *učitäl-əm / učitäl-om*, мокш. лит. *učitäl-ks* ‘учителем’.

Компаратив в мокшанском диалектном ареале образуется при помощи суффикса *-škal-čka*: повсем. *kud-ška* (‘величиной’) с дом’, *sur-ška* (‘размером’) с палец’, *narməñ-čka* (‘размером’) с птицу’. Рассматриваемый суффикс является сложным по образованию: *-š-* возводится к ограничительному суффиксу *-ža*, ср. атр. г. *kava-ža* ‘твердоватый’, и *-ka* — к уменьшительному суффиксу *-ka* [Бубрих 1953: 61].

Следует отметить, что в некоторых говорах западного диалекта *ška* встречается и в самостоятельном употреблении как отдельная словарная единица с суффиксом инессива: *paksac gektar ška-sa* ‘Его поле величиною в (один) гектар’; *kafta fkä ška-sa krukt* ‘Два одинаковых круга’.

Морфема абессива *-ftəma* в диалектах мокшанского языка реализуется в виде нескольких алломорфов: *-ftəmal-ftəməl-ftəmel-ftimal-ftimäl-ftəmel-ftəml-ftəm*. Показатель является сложным по происхождению и разбивается на *-fto* (< **-vto*) и *-ma, -me, -mä*. Из этих слагающих частей вторая — *-ma, -me, -mä* встречается в формах имен прилагательных и местоимений: *ištə-mo* ‘такой’ от *ištə* ‘так’, *koda-mo* ‘какой’ от *koda* ‘как’ [Серебренников 1967: 28].

В говорах центрального и юго-восточного диалектов употребляются алломорфы абессива *-ftəmal-ftəmel-ftəməl-ftimä*, которые различаются качеством конечного вокалического элемента, подчиняющегося сингармонизму гласных, а также второго согласного *-t-* или *-t'*, см. табл. 8: юго-вост. *kut-ftəma* ‘без дома’, ‘без домов’, *lomañ-ftəma* ‘без человека’, ‘без людей’, но *vir-ftəme* ‘без леса’, ‘без лесов’, *ki-ftəme* ‘без дороги’, ‘без дорог’; кр.-синдр. г. *vir-ftəmä*, *kät-ftəmä*, *pilk-ftəmä*; темяш. г. *vir-ft'imä*, *kät-ft'imä*, *pilk-ft'imä*; мокш. лит. *vir-ftəma* ‘без леса’, ‘без лесов’, *kät-ftəma* ‘без руки’, ‘без рук’, *pilk-ftəma* ‘без ноги’, ‘без ног’ (см. рис. 3, с. 116). Внимание заслуживает тот факт, что в темяшевском говоре мокшанского языка огласовка показателя абессива находится в зависимости от вокализма основы: если в основе гласный переднего ряда, то и падежный аффикс имеет переднерядную огласовку: *pej-ft'imä* ‘без зуба’, ‘без зубов’, *pilk-ft'imä* ‘без ноги’, ‘без ног’, но *moda-ftəma* ‘без земли’, ‘земель’, *lov-ftəma* ‘без снега’. В части говоров центрального диалекта вопреки переднерядной огласовке основы агглютинируются твердые варианты суффикса *-ftəma/-ftəmə*: темн.-атр. г. *vir-ftəmə*, *ki-ftəmə*, *kät-ftəmə*, *pej-ftəmə*; атр. г. *vir-ftəma* ‘без леса’, ‘без лесов’, *ki-ftəma* ‘без дороги’, ‘без дорог’, *kei-ftəma* ‘без руки’, ‘без рук’, *pej-ftəma* ‘без зуба’, ‘без зубов’.

Таблица 8

Алломорфы абессива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'; гласный заднего ряда: <i>todu</i> 'подушка'	<i>-ftəma/ -ftəmə</i>	<i>-ftəma</i>	<i>-ftəm</i>	<i>-ftəm</i>	<i>-ftəma</i>	<i>-ftəma</i>
палатализованный согласный: <i>vir</i> 'лес'; гласный переднего ряда: <i>ki</i> 'дорога'	<i>-fiəma/ -fiəmə/ -fi'əme/ -fi'əmā/ -fi'imä</i>	<i>-fi'əme</i>	<i>-fi'əm</i>	<i>-fi'əm</i>	<i>-fi'əma</i>	<i>-fi'əma</i>

В некоторых говорах юго-восточного диалекта функционирует форма абессива неопределенного склонения, где падежный суффикс *-ftəma/-fi'əme* следует за элементом *-t'*, который является суффиксом определенности, однако употребляется она со значением неопределенного склонения: *lomañ-t'-ftəma* 'без человека', *sumañ-t'-fi'əma* 'без зипуна', *joñ-t'-ftəma* 'без мозгов'. Подобные образования зафиксированы и в верхнеалатайских говорах Горьковской области, но там они встречаются со значением определенности: *moda-t'-ftəma* 'без этой земли', *lomañ-t'-ftəma* 'без этого человека' [Ананьина 1974: 13].

В говорах западного и переходного диалектов широко распространено употребление так называемой усеченной формы абессива *-ftəm/-fi'əm*: *kut-ftəm* 'без дома', 'без домов', *vir-ft'əm* 'без леса', 'без лесов' (см. рис. 3, с. 116). Данное явление характерно не только для имени существительного, но и для глаголов: *moL'tam*, *kañtam*, *moL'tad*, *kañtad*, ср. мокш. лит. *moL'tama* 'мы идем', *kañtama* 'мы несем', *moL'tada* 'вы идете', *kañtada* 'вы несете' и т. д.

Каузатив в мокшанском диалектном ареале грамматически оформлен суффиксом *-nksa(ə)*, который образован от послелога *iñksa* 'ради' [Бубрих 1953: 68; Феокистов 1975: 292]: центр. *modamañ-ə-nksa* / *modamañ-ə-nksə jakañ*, юго-вост. *modamañ-ə-nksa jakañ*, зап. *mañ-ə-nksa jakañ*, перех. *mañ-ə-nksa jakañ*, мокш. лит. *modamañ-ə-nksa jakañ* 'за картошкой ходил'. Отметим, что в некоторых говорах смешанного диалекта обнаруживаются конструкции, где вместо каузативной формы употребляются аналитические формы с послелогом: кирт. г. *ved' melge* 'за водой', *modamañ melge* / *kərtafej melge* 'за картофелем'.

Проанализировав парадигму неопределенного склонения имени существительного, можно констатировать наличие в диалектах мокшанского языка многообразных и разнохарактерных вариантных алломорфов:

- генитива *-ñ*, *-n* (мокш. лит. *-ñ*): зап. *vir-ñ* 'леса', *vel-ñ* / *vil-ñ* 'села', но *kal-n* 'рыбы';
- датива *-ñd'i*, *-nd'i* (мокш. лит. *-ñd'i*): зап. *vir-ñd'i* 'лесу', *vel-ñd'i* / *vil-ñd'i* 'селу', но *kal-nd'i* 'рыбе';
- аблатива *-da/-də/-d'e*, *-ta/-tə/-t'e* (мокш. лит. *-da*, *-ta*): юго-вост. *valma-da* 'окна', *kut-ta* 'дома', но *vir-d'e* 'леса';
- пролатива *-gal-gäl-ge*, *-kal-käl-ke*, *-va*, *-gava*, *-kava*, *-java* (мокш. лит. *-gal-gä*, *-ka*, *-va*): центр. *velə-va*, *kud-ga*, *vir-gä*, *ki-gä* / *ki-ga* / *ki-va*, *piřf-ka*; юго-вост. *vilə-va*, *kud-ga*, *vir-ge*, *ki-ge*, *piřf-ke*; зап. *velə-va* / *vilə-va*, *kud-ga*, *vir-ga*, *ki-ga* / *ki-ga-va*, *piřf-ka-va*; мокш. лит. *velə-va* 'по селу', *vir-gä* 'по лесу', *kud-ga* 'по дому', *ki-gä* 'по дороге', *piřf-ka* 'по двору';
- абессива *-ftəma/-fi'əme/-fi'əmā/-fi'imä* (мокш. лит. *-ftəma*): юго-вост. *kut-ftəma* 'без дома', 'без домов', *lomañ-ftəma* 'без человека', 'без людей', но *vir-ft'əme* 'без леса', 'без лесов', *ki-ft'əme* 'без дороги', 'без дорог'.

Функционирование алломорфов ограничено как в отношении круга охватываемых слов (что в большой степени объясняется морфонологией), так и территориально. Приведенные данные, бесспорно, доказывают, что с точки зрения словоизменения имени существительного большое сходство демонстрируют говоры западного и переходного диалектов,

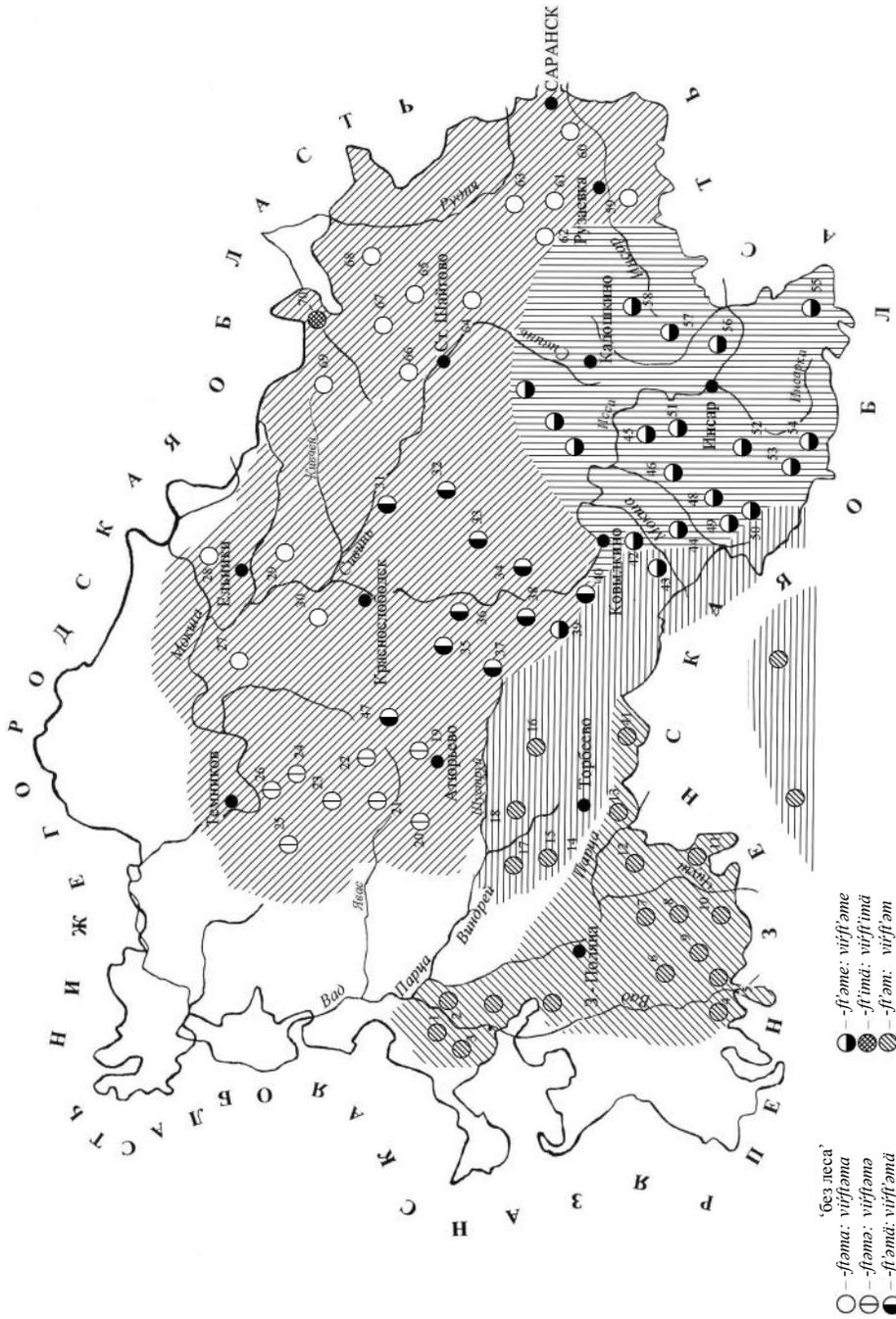

Рис. 3. Варианты морфем абессива *-fəta(ə)-/fətmä-/fətmä-/fətmä-* в формах с основой на палатализованный согласный 'без леса'

отличаясь вместе с тем от говоров центрального и юго-восточного диалектов. Наличие в говорах западного и переходного диалектов общих черт, которые не находят отражения в говорах центрального и юго-восточного диалектов, в определенной степени, вероятно, обусловлено историческими причинами и территориальным расположением. Общность некоторых явлений может быть также вызвана взаимовлиянием этих диалектов в результате миграции их носителей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- атр. г. — говор атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка
 в.-алат. г. — верхнеалатырские говоры мокшанского языка Горьковской области
 ельн. г. — ельниковский говор центрального диалекта мокшанского языка
 зап. — западный диалект мокшанского языка
 илл. — иллатив
 ин. — инессив
 кирт. г. — говор с. Киртели Тетюшского р-на Республики Татарстан
 кр.-синдр. г. — краснослободско-синдровский говор центрального диалекта мокшанского языка
 лат. — латив
 мокш. диал. — мокшанский диалектный вариант
 мокш. лит. — мокшанский литературный язык
 манс. — мансийский язык
 пенз. г. — говоры Пензенской области
 перех. — переходный диалект мокшанского языка
 повсем. — повсеместно
 рыбк.-ммл. г. — рыбкинско-мамолаевские говоры центрального диалекта мокшанского языка
 саам. — саамский язык
 смешан. — смешанный диалект мокшанского языка
 темн.-атр. г. — говор темниковско-атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка
 темяш. г. — темяшевский говор мокшанского языка
 удм. — удмуртский язык
 урюм. г. — говор с. Урюм Тетюшского р-на Республики Татарстан
 фин. — финский язык
 центр. — центральный диалект мокшанского языка
 шайг. г. — шайговские говоры центрального диалекта мокшанского языка
 эл. — элатив
 эрз. — эрзянский язык
 эрз. лит. — эрзянский литературный язык
 юго-вост. — юго-восточный диалект мокшанского языка

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ОБОЗНАЧЕННЫХ НА КАРТАХ

1. Подлясово Zubovo-Полянского района;
2. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского района;
3. Промзино Zubovo-Полянского района;
4. Старое Бадиково Zubovo-Полянского района;
5. Новое Бадиково Zubovo-Полянского района;
6. Мордовская Поляна Zubovo-Полянского района;
7. Зарубкино Zubovo-Полянского района;
8. Ачадово, Тарханская Путьма Zubovo-Полянского района;
9. Буддыгино Zubovo-Полянского района;
10. Пичпанда Zubovo-Полянского района;
11. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района;
12. Кажлодка Торбеевского района;
13. Дракино Торбеевского района;
14. Савва Торбеевского района;
15. Салазгорь Торбеевского района;
16. Мордовские Юнки Торбеевского района;
17. Варжелай Торбеевского района;
18. Старая Пичеморга Торбеевского района;
19. Курташки Атюрьевского района;
20. Арга Атюрьевского района;
21. Кишалы Атюрьевского района;
22. Мордовская Козловка Атюрьевского района;
23. Кушки Атюрьевского района;
24. Польское Цыбаево Темниковского района;
25. Лесное Цыбаево Темниковского района;
26. Кондровка Темниковского района;
27. Мордовские Пашаты Ельниковского района;
28. Большой Уркат Ельниковского района;
29. Старые Пиченгуши Ельниковского района;
30. Каньгуши Ельниковского района;
31. Старое Синдрово Краснослободского района;
32. Колопино Краснослободского района;
33. Мамолаево Ковылкинского района;
34. Новое Мамангино Ковылкинского района;
35. Зайцево

Краснослободского района; 36. Рыбкино Ковылкинского района; 37. Старая Самаевка Ковылкинского района; 38. Волгапино Ковылкинского района; 39. Гумны Ковылкинского района; 40. Курнино Ковылкинского района; 41. Старые Пичуры Торбеевского района; 42. Парапино Ковылкинского района; 43. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района; 44. Старое Дракино Ковылкинского района; 45. Паево Кадошкинского района; 46. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; 47. Мордовские Парки Краснослободского района; 48. Шадым Ковылкинского района; 49. Красный Шадым Ковылкинского района; 50. Алькино Ковылкинского района; 51. Адашево Инсарского района; 52. Кочетовка Инсарского района; 53. Верхняя Лухма Инсарского района; 54. Мордовская Паевка Инсарского района; 55. Шадым-Рыскино Инсарского района; 56. Новые Верхиссы Инсарского района; 57. Новлей Инсарского района; 58. Болдово Рузаевского района; 59. Трусклый Рузаевского района; 60. Левжа Рузаевского района; 61. Сузгарь Рузаевского района; 62. Мордовская Пишла Рузаевского района; 63. Перхлый Рузаевского района; 64. Старая Теризморга Старошайговского района; 65. Лемдйя Старошайговского района; 66. Сарга Старошайговского района; 67. Кулддым Старошайговского района; 68. Мельцаны Старошайговского района; 69. Вертелим Старошайговского района; 70. Темяшево Старошайговского района.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов 1965 — Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М.: Наука, 1965. С. 24—35. [Avanesov R. I. About two aspects of the subject of dialectology. *Obshcheshlavyanskii lingvisticheskii atlas (materialy i issledovaniya)*. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 24—35.]
- Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: [б. и.], 1974. [Anan'ina K. I. *Verkhne-alatyrskie govory mokshanskogo yazyka: avtoref. kand. diss.* [Upper Alatyr dialects of the Moksha language. Author's abstract of the cand. diss.]. Tartu: sine nomine, 1974.]
- Аристэ 1955 — Аристэ П. S-овый иллатив в прибалтийско-финских языках // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 22—31. [Ariste P. S-ilative in Finnic languages. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznavniya AN SSSR*. No. VII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1955. Pp. 22—31.]
- Баталова 1982 — Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. [Batalova P. M. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies of East Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Бубрих 1936 — Бубрих Д. В. О работе по мордовскому диалектологическому атласу // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 38—41. [Bubrikh D. V. About working on the Mordovian dialectological atlas. *Revolyutsiya i pis'mennost'*. 1936. No. 2. Pp. 38—41.]
- Бубрих 1953 — Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953. [Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical Erzya grammar]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1953.]
- Бубрих и др. 1997 — Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка = Karjalan kielen murre-kartasto / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Научно-исследовательский центр языков Финляндии. Сарвас Л. (ред.). Хельсинки: Финно-угорское общество, 1997. [Bubrikh D. V., Belyakov A. A., Punzhina A. V. *Dialektologicheskii atlas karel'skogo yazyka* = Karjalan kielen murre-kartasto [Dialectological atlas of the Karelian language]. Sarvas L. (ed.). Helsinki: Finno-Ugric Society, 1997.]
- Давыдов 1963 — Давыдов М. М. Больше-игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. II. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 118—233. [Davydov M. M. Bolshoye Ignatovo dialect of the Erzya Mordvin language. *Ocherki mordovskikh dialektov*. Vol. II. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1963. Pp. 118—233.]
- Деваев 1963 — Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. II. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 261—433. [Devaev S. Z. Middle Vad dialect of the Moksha Mordvin language. *Ocherki mordovskikh dialektov*. Vol. II. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1963. Pp. 261—433.]
- Ермушкин 1984 — Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по финно-угорским языкам. М.: Наука, 1984. [Ermushkin G. I. *Areal'nye issledovaniya po finno-ugorskim yazykam* [Areal studies in Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1984.]

- Коведяева 1987 — Коведяева Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык. М.: Наука, 1987. [Kovedyaeva E. I. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam: Mariiskii yazyk* [Areal studies in Eastern Finno-Ugric languages: Mari]. Moscow: Nauka, 1987.]
- Левина 2014 — Левина М. З. Мокшень диалектологиясь = Диалектология мокшанского языка: учебное пособие. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2014. [Levina M. Z. *Mokshen' dialektologiyas' = Dialektologiya mokshanskogo yazyka: uchebnoe posobie* [Dialectology of the Moksha language: teaching guide]. Saransk: Mordovian Univ., 2014.]
- Майгинская 1974 — Майгинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. [Maitinskaya K. E. *Comparative morphology of Finno-Ugric languages. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov*. Moscow: Nauka, 1974.]
- Надькин 1968 — Надькин Д. Т. Морфология нижнелаянского диалекта // Очерки мордовских диалектов. Т. V. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1968. С. 3—175. [Nad'kin D. T. *Morphology of the Nizhnepr'yansky dialect. Ocherki mordovskikh dialektov*. Vol. V. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1968. Pp. 3—175.]
- Плаксина 2002 — Плаксина Т. А. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2002. [Plaksina T. A. *Areal'noe issledovanie severo-zapadnykh govorov moksha-mordovskogo yazyka: Avtoref. kand. dis.* [Areal study of northwest dialects of the Moksha Mordvin language. Author's abstract of the cand. diss.]. Saransk: Mordovian Univ., 2002.]
- Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. [Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of Mordvin languages]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Серебренников 1973 — Серебренников Б. А. Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973. [Serebrennikov B. A. *Methods of linguogeographic studies. Obshchee yazykoznanie. Metody lingvisticheskikh issledovaniy*. Moscow: Nauka, 1973.]
- Феоктистов 1975 — Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. Т. 2: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М.: Наука, 1975. С. 248—343. [Feoktistov A. P. *Mordvin languages. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. T. 2: Pribaltiisko-finskie, saamskie i mordovskie yazyki*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 248—343.]
- Феоктистов 1990 — Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd I: A—J. Suomalais-ugrilainen seura. 1990. С. LX—LXXXVI. [Feoktistov A. P. *Dialects of Mordvin languages. Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. Bd I: A—J. Suomalais-ugrilainen seura*. 1990. Pp. LX—LXXXVI.]
- Феоктистов 2002 — Феоктистов А. П. Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики // Научные издания московского Венгерского колледжа. М.: Валанг, 2002. С. 318—329. [Feoktistov A. P. *About investigations of dialects of Finno-Ugric languages by methods of field and areal linguistics. Nauchnye izdaniya moskovskogo Vengerskogo Kolledzha*. Moscow: Valang, 2002. Pp. 318—329.]
- Цыганкин 1977 — Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1977. [Tsygankin D. V. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka* [Grammatic categories of the noun in the dialects of the Erzya Mordvin language]. Saransk: Mordovian Univ., 1977.]
- Цыганкин 2000 — Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: [б. и.], 2000. [Tsygankin D. V. *Mordovskie yazyki glazami uchenogo-lingvista* [Mordvin languages through the eyes of a linguist. Saransk: sine nomine, 2000.]
- Цыганкин, Бибин 2002 — Цыганкин Д. В., Бибин М. Т. Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров. Учебное пособие по составлению атласа. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2002. [Tsygankin D. V., Bibin M. T. *Lingvisticheskii atlas mokshanskikh i erzyanskikh govorov. Uchebnoe posobie po sostavleniyu atlasa*. [A linguistic atlas of Moksha and Erzya dialects. A training book on atlas compiling]. Saransk: Tipografiya «Krasnyi Oktyabr'», 2002.]
- Feoktistov, Saarinen 2005 — Feoktistov A., Saarinen S. *Mokšamordvan murteet*. Helsinki: Suomalais-Ugri-lainen Seura, 2005.
- Szinnyei 1922 — Szinnyei J. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Berlin: Leipzig, 1922.